

Венедикт Ерофеев.

Моя маленькая лениниана

Для начала – два вполне пристойных дамских эпиграфа:

Надежда Крупская – Марии Ильиничне Ульяновой: "Все же мне жалко, что я не мужчина, я бы в десять раз больше шлялась" (1899).

Инесса Арманд (1907): "Меня хотели послать еще на 100 верст к северу, в деревню Койду. Но во-первых, там совсем нет политиков, а во-вторых, там, говорят, вся деревня заражена сифилисом, а мне это не очень улыбается".

Впрочем, можно следом пустить еще два дамских эпиграфа, но только уже не вполне пристойных:

Галина Серебрякова о ночах Карла Маркса и Женни фон Вестфален: "Окружив его заботой, Женни терпеливо писала под диктовку Карла. А Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Это были счастливые минуты полного единения. Случалось, до рассвета они работали вместе. Но только люди, жившие за стеной, жаловались на то, что у них ночами "не прекращаются разговоры и скрип ломких перьев" (в серии ЖЗЛ).

Инесса Арманд – Кларе Цеткин. "Сегодня я сама выстирала свои жабо и кружевные воротнички. Вы будете бранить меня за мое легкомыслие, но прачки так портят, а у меня красивые кружева, которые я не хотела бы видеть изорванными. Я все это выстирала сегодня утром, а теперь мне надо их гладить. Ах, счастливый друг, я уверена, что Вы никогда не занимаетесь хозяйством, и даже подозреваю, что Вы не умеете гладить. А скажите откровенно, Клара, умеете Вы гладить? Будьте чистосердечны, и в вашем следующем письме признайтесь, что Вы совсем не умеете гладить!" (январь 1915).

Ну а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича с того времени, как он научился писать, и до того (1922) времени, как он писать разучился.

В 1895 году он еще гуляет по Тиргартену, купается в Шпрее. Посетив Францию, сообщает: "Париж – город громадный, изрядно раскинутый".

Но уже в 96-ом году Ильич помещен на всякий случай в дом предварительного заключения в Санкт-Петербурге:

"Литературные занятия заключенным разрешаются. Я нарочно справлялся об этом у прокурора. Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет".

Оттуда же он пишет сестрице:

"Получил вчера припасы от тебя, (...) много снеди (...) чаем, например, я мог бы с успехом открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с местной лавочкой победа осталась бы несомненно за мной.

Все необходимое у меня здесь имеется, и даже сверх необходимого. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу".

Одна только просьба: "Хорошо бы получить стоящую у меня в ящике платяного шкафа овальную коробку с клистирной трубкой" (1896).

А дальше, разумеется, Шушенское.

"В Сибири вообще в деревне очень и очень трудно найти прислугу, а летом просто невозможно" (1897).

"Я еще в Красноярске стал сочинять стихи:

В Шуше, у подножия Саяна... но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил".

Младший братец его, Дмитрий Ульянов, тоже угодил в тюрьму, и вот какие советы из Шушенского дает ему старший брат:

"А Митя? Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-вторых, занимается ли он гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту знаю и скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согрешься даже. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) - 50 земных поклонов" (1898).

И, сверх того, ожидание невесты Надежды Константиновны и будущей тещи Елизаветы Васильевны. Наконец приезжают. Вот как он сообщает об этом приезде своей матушке:

"Я нашел, что Надежда Конс-на выглядит неудовлетворительно. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: "Эк Вас разнесло!" - отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо" (1898).

"Мы с Надей начали купаться".

А когда закончились купальные сезоны - "катаюсь на коньках с превеликим усердием и пристрастил к этому Надю" (1898).

Европа после Шушенского, само собой, дерьмо собачье. "Глупый народ - чехи и немчура" (Мюнхен, 1900). "Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве. Гнусная дыра, но ничего не поделаешь" (1908). "Париж - дыра скверная" (1910).

Блистательные сентенции вроде: "Я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого" (1909).

"Мы все ездим с Надей на велосипедах кататься" (1909). "Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним через адвоката. (...) Надеюсь выиграть". (Париж, 1910).

"Погода стоит такая хорошая, что я надеюсь снова взяться за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля" (Париж, 1910). "Я не верю, что будет война" (Краков, 1912). "А насчет женского органа пусть напишет Надежда Константиновна" (Краков, 1914).

И драгоценные добавления в письмах Надежды Константиновны:

"Новый год мы встречали вдвоем с Володей, сидючи над тарелками с простоквашей" (январь 1914).

"Собираемся взять прислугу, чтобы не было большой возни с хозяйством и можно было бы уходить на далекие прогулки" (Краков, 1914).

"Сегодня Володя ездил на велосипеде довольно далеко, только шина у него лопнула" (Краков, лето 1914).

О своем друге Максиме Горьком Ильич помнит неизменно: "Горький изнервничался и раскис" (1910). "Горький всегда был архибесхарактерным человеком". Или: "Бедняга Горький! Как жаль, что он осрамился!" И несколько позднее: "И это Горький! О, теленок!"

Однако началась война. Бегство из Кракова. И, "сидючи" в нейтральной Швейцарии, тов. Шляпникову: "Лозунг мира - это обывательский, поповский лозунг" (17 октября 1914 года).

А милой Инессе Арманд: "...Даже мимолетная связь и страсть поэтичнее, чем поцелуи без любви пошлых и пошленьких супругов". Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре.

Логично ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов грязны. Согласен. Им надо противопоставить ...что?... Казалось бы, поцелуи с любовью? А Вы противопоставляете "мимолетную" (почему мимолетную) "страсть" (почему не любовь?). Выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским".

Странно. Не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский брак без любви пролетарскому браку с любовью" (24 января 1915).

И ей же: "Требование "свободы любви" советую вовсе выкинуть. Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование. Дело не в том, что Вы хотите субъективно

понимать под этим. Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви " (17 января 1915).

И опять ей: "Если уж непременно хотите, то мимолетная связь = страсть может быть и грязная, может быть и чистая" (24 января 1915). " У нас опять дожди. Надеюсь, небесная канцелярия выльет всю лишнюю воду к Вашему приезду, и тогда будет хорошая погода " (4 июня 1915). " Крепко, крепко жму руку, мой дорогой друг " .

И необходимость постоянно печатать свои очередные брошюры с очередными тезисами. Спустя два с лишним года, уже будучи вождем большевистского правительства, он будет давать такие распоряжения: " Реквизировать 30000 ведер вина и спирта в винных складах. Есть-ли бумажка от Военно-Революционного Комитета, чтобы спирт и вино не выливалось, а ТОТЧАС же были проданы в Скандинавию? Написать ее тотчас " (9 ноября 1917). А пока он не вождь, тов. Карпинскому:

"Дорогой товарищ! Мы ужасно обеспокоены отсутствием от Вас вестей и корректур (моей брошюры). Неужели наборщик опять запил? " (20 февраля 1915).

Тов Зиновьеву: "Не помните ли фамилию Кобы? Привет, Ульянов ". (3 августа 1915).

Тов. Карпинскому: "Большая просьба: узнайте фамилию Кобы" (9 ноября 1915).

Все. Февральский переворот в России. Ленин: "Нервы взвинчены сугубо нужно скакать, скакать". "Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся". "Нужен отдельный вагон для революционеров". "Я могу одеть парик". "Хорошо бы попробовать у немцев пропуска - вагон до Копенгагена". " Почему бы и нет? Я не могу этого сделать. А Трояновский и Рубакин и К` - могут. О, если бы я мог научить эту сволочь!" (март 1917).

Инессе Арманд: "Вы скажете, может быть, что немцы не дадут нам вагона. Давайте пари держать, что дадут". "Нет ли в Женеве дураков для этой цели?" (19 марта 1917).

"Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Привет, Ульянов!" (14 апреля 1917).

В письмах послезалповских, послеавроровских - нет ничего триумфального. Напротив того: "Республика в опасности". Необходимы срочные меры. Например, такие:

"Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым - Овсеенко. Он должен называться просто тов. Овсеенко" (14 марта

1918).

"Аресты, которые должны быть произведены по указанию тов. Петерса, имеют исключительно большую важность и должны быть произведены с большой энергией".

Тов. Зиновьеву в Петроград:

"Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотят ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы их удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но! Надо поощрить энергию и массовидность террора! " (26 ноября 1918).

Тов. Сталину в Царицын: " Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще ". " Повсюду надо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов " (7 июля 1918).

Тов. Сокольникову:

"Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применив строгости. Но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте " (24 сентября 1918).

В Пензенский губисполком: "Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении ". (9 августа 1918).

Тов Федорову, председателю Нижегородского губисполкома:

"В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления" (9 августа 1918).

Не совсем понятно, кого же убивать. Проституток, спаивающих солдат и бывших офицеров? Или проституток, спаивающих солдат, а уже от "... будьте образцово - беспощадны".

Тов Шляпникову, в Астрахань:

"Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских взяточников и спекулянтов. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили" (12 декабря 1918).

Телеграмма в Саратов, тов. Пайкесу:

"Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты" (22 августа 1918).

Тов. Сталину в Петроград:

"Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предположить наличность в нашем тылу, а может быть и

на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить нападение / Юденича/ со сравнительно незначительными силами, стремительное продвижение вперед.

Просьба обратить усиленное внимание на это обстоятельство, принять экстренные меры для раскрытия заговоров " (27 мая 1919).

"Предупреждаю, за это председателей губисполкомов буду арестовывать и добиваться расстрела их " (20 мая 1919).

Тов. Зиновьеву: " Вы меня зарезали! " (7 августа 1919).

В отдел топлива Московского Совдепа:

"Дорогие товарищи. Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из леса достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину).

Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в ЦК не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпимы бездеятельность и халатность.

С коммунистическим приветом, Ленин " (18 июня 1920).

В Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов: " Дорогие товарищи! Вынужден по совести сказать, что ваше постановление так политически безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. Так поступают только капризные барышни и глупенькие русские интеллигенты.

Простите за откровенное выражение своего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что вас проучат тюрьмой за бездействие" (12 октября 1918).

Глебу Кржижановскому:

"Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-матем. факультеты и пр. Обязанность: в неделю не менее 2-х лекций. Обучить не менее 10-и (50-и) человек электричеству. Исполнить - премия. А не исполнить - тюрьма. " (декабрь 1920).

Тов Чичерину:

"Пусть Сталин поговорит начистоту с турецкой делегацией".

Получает донос на врачей, комиссующих раненых красных солдат, когда те еще " вполне способны воевать ":

"... организовать тайный надзор и слежку за поведением этих врачей, чтобы изобличить их, собрав свидетелей и документы, а потом предать суду " (20 ноября 1918).

В ответ на жалобу М. Ф. Андреевой относительно арестов интеллигенции: "Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей этой околкадетской публики. Прступно не

арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки. Ей-ей, лучше" (18 сентября 1919).

Максиму Горькому о том же: "Короленко ведь почти меньшевик. Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками". Нет, таким "талантам" на грех посидеть недельки в тюрьме". "Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно " (15 сентября 1919).

Тов Крестьянскому:

"Брошюра напечатана на слишком роскошной бумаге. По-моему надо отдать за эту трату роскошной бумаги и типографских средств под суд, прогнать со службы и арестовать кого следует " (2 сентября 1920).

"Неумный человек или саботажник редактировал ее? "

Тов. Сталину в Харьков:

"Пригрозите расстрелом этому неряхе, который, заведя связь, не умеет и добиться полной исправности телефонной связи со мной " (16 февраля 1920).

Тов Каменеву:

"По - моему нужен секретный циркуляр против клеветников, бросающих клеветнические обвинения под видом "критики" (5 марта 1921).

Смольный, Зиновьеву:

"Знаменитый физиолог Павлов просится за границу. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как и раньше он высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против советской власти и коммунизма в России.

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормативный паек " (25 июня 1920).

Каменеву и Сталину:

"Опасность, что с сибирскими крестьянами мы не сумеем поладить, чрезвычайно велика и грозна, а тов. Чупкаев несомненно слаб, при всех его хороших качествах, - он совершенно незнаком с военным делом " (9 марта 1921).

Шмидту, Троцкому, Цурюпе, Шляпникову, Рыкову, Томскому:

"Прошу Вас собрать совещание наркомов - об оздоровлении фабрик и заводов путем сокращения количества едоков " (2 апреля 1921).

В Совет Труда и Оборона:

"Перетряхнуть Московский гарнизон, уменьшив количество и повысив качество ".

Тов. Брюханову:

"Сейчас же начать кампанию беспощадных арестов за

нерадение (...). НКпрод должен установить по губерниям и уездам ответственных лиц, чтобы знать, кого сажать " (25 мая 1921).

Тов. Пеображенскому:

"Что он реакционер, охотно допускаю. Но их надо иначе избличать. Избличи на точном факте, поступке, заявлении. Тогда посадим.

Надо выработать приемы ловли спецов и наказания их " (19 апреля 1921).

Очень мило. В. Молотову:

"Прелагаю уволить Абрамовича тотчас.

Федоровскому предоставить объяснения, как он мог принять на службу Абрамовича.

Федоровского за это наказать примерно " (10 июня 1921).

И шуточки:

"Тов. Цурюпа! Не захватите ли в Германию Елену Федоровну Размирович? Крыленко очень обеспокоен ее болезнью. Здесь вылечиться трудно, а немцы выправят. По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в германский санаторий. Привет! Ленин" (7 апреля 1921).

И без шуток:

"Если после выхода советской книги ее нет в библиотеке, надо, чтобы Вы (и мы) с абсолютной точностью знали, кого посадить " (Тов. Литкенсу, 17 мая 1921).

Тов. Горбунову:

" Ведь есть ряд постановлений СТО об ударности Гидроторфа. Явно они забыты. Это безобразие! Надо найти виновных и отдать их под суд " (10 февраля 1922).

Тов. Каменеву:

"Почему это задержалось? // имеется в виду печатание ленинских "Тезисов о внешней торговле " // Ведь я давал срока 2-3 дня! Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-нибудь!.. Ваш Ленин " (11 февраля 1922).

"Наши дома загажены подло. /... /Надо в 10 раз точнее и полнее указать ответственных лиц и сажать в тюрьму беспощадно " (8 августа 1921).

"От Центропечати требуйте быстрой рассылки "Наказа СТО", иначе я их посажу".

"Позвоните Беленькому и скажите, что я зол". А Брюханову и Потяеву:

"Если еще раз поссоритесь, обоих прогоним и посадим" (август 1921).

"Медленно оформляли заказ на водные турбины! В коих у нас страшный недостаток! Это верх безобразия и бесстыдства! Обязательно найдите виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме " (13 сентября 1921).

"Если у Вас в Баку еще есть следы (хотя бы даже малые) вредных взглядов и предрассудков (среди рабочих и интеллигентов), пишите мне тотчас. Беретесь ли Вы сами разбить эти предрассудки и добиться лояльности или нужна помощь? " (2 апреля 1921).

Либо дурак, либо саботажник злостный мог пропустить эту книгу.

Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц " (7 августа 1921).

О Прокоповиче и Кусковой:

"Газетам дадим директиву завтра же начать на сотню ладов и изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение 2-х месяцев ".

Наркому почт и телеграфа:

"Обращаю Ваше серьезное внимание на безобразии с моим телефоном из деревни Горки.

Посылаемые вами лица мудрят, ставят ни к чему какие - то особенные приборы. Либо они совсем дураки, либо очень умные саботажники ".

Бедняга профессор Тихвинский, управляющий петроградскими лабораториями Главного нефтяного комитета. Одной фразы Ильича было достаточно: " Тихвинский не случайно арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга " (сентябрь 1921). Расстрелян в 1921 году.

В Главное управление угольной промышленности:

"Имеются некоторые сомнения в целесообразности применения врубовых машин. Тот производственный эффект, который ожидает от применения врубовых машин тов. Пятаков, явно преувеличен. Киркой лучше и дешевле " (август 1921).

В комиссию Киселева:

"Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно и должно делать из торфа. Надо это производство спирта из торфа развить" (11 сентября 1921 года).

Это напоминает нам деловую записку от 26 августа 1919:

"Сообщите в Научно-пищевой институт, что через три месяца они должны предоставить точные и полные данные о практических успехах выработки сахара из опилок".

Ну, это ладно. Воображаю, как вытягивалась морда у наркома просвещения Анатолия Луначарского, когда он получал от вождя такие депеши:

"Все театры советую положить в гроб" (26 августа 1921).

Или телеграммы: "Какие вопросы Вы признаете важнейшими, а какие = ударными! Прошу краткого ответа" (8 апреля 1921).

Для Политбюро ЦК РКП(б): "Узнал от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой Оперы и Балета" (12 января 1922).

Раздражение еще вызывают поэт Маяковский и Народный комиссариат юстиции.

Тов. Богданову:

"Мы еще не умеем гласно судить за поганую волокиту, за это весь Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что всех нас когда-нибудь за это поделом повесят" (23 декабря 1921).

Тов. Сокольникову:

"Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар. С коммунистическим приветом. Ленин" (11 февраля 1922).

Начинается изгнание профессуры.

Каменеву и Сталину:

"Уволить из МВТУ 20-40 профессоров. Они нас дурачат". (21 февраля 1922).

Ф. Э. Дзержинскому:

"К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров. Надо это подготовить тщательнее. Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг. Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручите все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Не все сотрудники "Новой России" - кандидаты на высылку за границу. Другое дело питерский журнал "Экономист". Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В No 3 напечатан на обложке список сотрудников. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее шпионов, слуг, растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих вредителей изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не разглашая, членам Политбюро с возвратом. Вам и мне. " (19 мая 1922).

А тов. Кржижановский, которому было поручено 10-50 человек обучить электричеству, надорвался и тоже захотел в

Европу.

Тов. Сталину:

"Прошу немедленно поручить НКИнделу запросить визу для въезда в Германию Глеба Максимилиановича Кржижановского и его жены Зинаиды Павловны Кржижановской.

Речь идет о лечении грыжи.

С коммунистическим приветом. Ленин" (25 апреля 1922).

А тов. Иоффе обязан лечить в Европе свой невротический недуг, который заключается вот в чем.

Тов. Иоффе:

"Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что ЦК = это я. Такое можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления.

Зачем же так нервничать, что писать совершенно невозможную, совершенно невозможную фразу, будто ЦК - это я? Это переутомление. Отдохните серьезно. Обдумайте, не лучше ли за границей. Надо вылечиться вполне". (17 марта 1921).

И тут же следом - Г. М. Кржижановскому:

"Я должен тыкать носом в мою книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может". (5 апреля 1921).

А тов. Чичерин вовсе и не просил о лечении, но получилось так: тов. Чичерин представлял нашу державу на Генуэзской конференции с только недавно опубликованным напутствием Ленина:

"Ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции следует составить в самом наглом и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину. Действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью. (...) Нельзя упускать случая" (25 февраля 1922).

В. Молотову:

"Сейчас получил 2 письма от Чичерина. Он ставит вопрос о том, нельзя ли на Генуэзской конференции за приличную компенсацию (продовольственная помощь и пр.) согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство других партий в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо лечить, немедленно отправить в санаторий" (23 января 1922).

И через день тому же Молотову:

"Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен, и сильно болен. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий" (24 января 1922).

И в заключении - два негромких аккорда. Первый из них вызывает слезы, второй - тоже.

Тов. Уншлихту:

"Гласность ревтрибуналов (уже) не обязательна. Состав их

усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь с ВЧК, усилить быстроту и силу их репрессий. Поговорите со Сталиным, покажите ему это письмо" (31 января 1922).

Тов. Каменеву:

"Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд? " (24 апреля 1921).

Москва, 5-6 февраля 1988.

Издатели прилагают список ссылок на использованные в тексте работы В. И. Ульянова (Ленина). Том и ссылка указаны по 5 изданию ПСС

Т. 47, стр. 120, 241. Т. 49, стр. 15, 51, 52, 56, 66, 79, 161, 404, 405, 406, 433. Т. 50, стр. 5, 50, 114, 142, 143, 165, 191, 192, 208, 219, 318, 325. Т. 51, стр. 31, 48, 52, 134, 216, 222, 273. Т. 52, стр. 38, 91, 93, 100, 123, 125, 128, 132, 155, 166, 196, 212, 263. Т. 54, стр. 87, 110, 136, 137, 149, 159, 160, 161, 177, 183, 243, 256. Т. 55, стр. 9, 15, 17, 18, 35, 53, 56, 88, 92, 109, 114, 123, 152, 242, 296, 303, 306, 307, 329, 348, 352.

Издатели предупреждают, что в некоторых случаях автор допускает вольное цитирование, не искажающее общие смысл, стиль и направленность работ В.И.Ульянова (Ленина).